

Писать Николай Зиновьев начал примерно с 1982 года под впечатлением стихов, опубликованных в журнале «Кубань»: «Я купил журнал «Кубань», который у нас издавался, прочитал стихотворения и думаю: дай я напишу, ну, и штук 6–7 написал, ото-слал. Приходит мне письмо: приезжай. Я приехал, поговорил со мной редактор, кое-что подправил и дал в следующем номере мою подборку – это была моя первая публикация, которой я безумно гордился, даже гонорар получил – 66 рублей». (1). Тридцать лет назад, в 1987 году, в Краснодарском книжном издательстве вышла первая книга стихотворений Николая Зиновьева «Я иду по земле». Впрочем, сам Зиновьев довольно сдержанно к ней относится: «Из первой книжки у меня одно стихотворение во-шло в книжку, в какую, не помню. «Куда меня ночь морозная вынесла», вот с такой длинной, не свой-ственной мне строкой. И мне сейчас кажется, что оно не мое» (2).

Подлинное признание к поэту из провинции при-шло позже, в 90-х годах, и само по себе оно было почти чудом. Стали выходить книги в московских и местных издательствах: «Полет души» (1997); «Седое сердце», (1999); «Дни, дарованные свыше» (2003); «На самом древнем рубеже» (2004); «Новые стихи» (2005); «Я наследник любви и печали» (2007); «Души печальные порывы» (2006); «Вкус огня» (2007); «На кресте» (2008); «Я – русский» (2008); «Я – русский» (2008); «Призрак оптимизма» (2010); «Дождать-ся воскресения» (2013); «Ночной дневник» (2015); «Стена» (2016) «На родине» (2016); «Сборник сти-хотворений» (2016), многочисленные подборки сти-хотворений в различных журналах и газетах. Писа-тели Николай Дорошенко и Петр Ткаченко в один голос говорят, что «Николаю Зиновьеву удалось прорвать информационную блокаду, устроенную русской литературе. Причем, казалось, без каких бы то ни было усилий с его стороны... Николай Зи-новьев покорила читателей не упованием на «новую

литературу», а установкой на «классическую лиру», вполне осознавая, как это «несовременно», наконец, как это невыгодно в обществе ...» (3).

Об афористичности стихов поэта говорилось не-однократно. Композиция его стихотворений строит-ся по раз и навсегда выбранному принципу: первая строфа дает картину современности, вторая – под-вергает ее сомнению на прочность, с точки зрения христианской нравственности, и делается вывод:

По округе взор мой бродит:

Не крадется ли где тать?

И врагов не видно, вроде,

И России не видать (4).

Некоторые стихотворения состоят из одной стро-фы, другие – из нескольких, но структура их оста-ется неизменной. Никуда не исчезло и зиновьевское чувство юмора:

Прогресса поступь мне знакома,

И ясен смысл его нагой:

Мы вышли в космос, а из дома,

Едва стемнеет – ни ногой.

Зиновьеву часто ставили в упрек то, что он пишет «на злобу дня». Ответ поэта был таким: «Пожалуй, я перестану писать на «злобу дня», когда исчезнет злора, и настанет Вечный день, и Поэзия станет над-событийной» (5); «сейчас, по-моему, просто кощун-ственно писать о розах, о соловьях...» (6) – намек на слова Ф. М. Достоевского о стихотворении А. Фета «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...»: «Поло-жим, что мы переносимся в восемнадцатое столетие, именно в день лиссабонского землетрясения. Поло-вина жителей в Лиссабоне погибает; дома развали-ваются и проваливаются; имущество гибнет; всякий из оставшихся в живых что-нибудь потерял – или имение, или семью. Жители толкаются по улицам в отчаянии, пораженные, обезумевшие от ужаса. В Лиссабоне живет в это время какой-нибудь извест-ный португальский поэт. На другой день утром вы-ходит номер лиссабонского «Меркурия» (тогда все

издавались «Меркурии»). Номер журнала, появившегося в такую минуту, возбуждает даже некоторое любопытство в несчастных лиссабонцах, несмотря на то, что им в эту минуту не до журналов; надеются, что номер вышел нарочно, чтоб дать некоторые сведения, сообщить некоторые известия о погибших, о пропавших без вести и проч., и проч. И вдруг — на самом видном месте листа бросается всем в глаза что-нибудь вроде следующего:

*Шепот, робкое дыханье,
Трепи соловья...*

...Не знаю наверно, как приняли бы свой «Меркурий» лиссабонцы, но мне кажется, они тут же казнили бы всенародно, на площади, своего знаменитого поэта... <...> Мало того, поэта-то они б казнили, а через тридцать, через пятьдесят лет поставили бы ему на площади памятник за его удивительные стихи вообще, а вместе с тем и за «пурпур розы» в частности. Выходит, что не искусство было виновато в день лиссабонского землетрясения. Поэма, за которую казнили поэта, как памятник совершенства поэзии и языка, принесла, может быть, даже и немалую пользу лиссабонцам, возбуждая в них потом эстетический восторг и чувство красоты, и легла благотворной росой на души молодого поколения. Стало быть, виновато было не искусство, а поэт, злоупотребивший искусством в ту минуту, когда было не до него....» (7). То, что это не догадка, а подлинная мысль Н. Зиновьева, подтверждает он сам: «А вот не помните, как у Достоевского о поэте, который сказал одни и те же слова, а после землетрясения — его рукописи разорвало, а потом пришел другой поэт и сказал те же самые слова, и его подняли на руки» (8).

Но в последние годы социальность в стихотворениях Зиновьева стала уходить на второй план, точнее, в глубину постижения духовных причин происходящего с нами. Так, в одной из подборок 2012 года на сайте газеты «Российский писатель», состоящей из 17 стихотворений, чуть ли не в каждой строфе присутствует библейская лексика: «Безверье, рабы грехов, Бог, небесная рать, ад, рай, Второе Пришествие, молитва, юдоль, Небесное Царство, нечисть, воскресенье...». Неужели лирик ушел в так называемую «духовную поэзию», стал православным по-

этом? Сам Зиновьев это отрицает, но с оговоркой: «Если я скажу «да», то в этом будет какой-то элемент гордыни, если же «нет», в чем-то солгу. Пока сказать, как требует Святое Писание: «Да — да или нет-нет» — я, к сожалению, не могу. Но мне очень бы хотелось БЫТЬ православным поэтом» (9). Зиновьев понимает, что дело не в тематике, не в лексике, не во внешних признаках «православности» поэзии, а в подлинности ее содержания: «Хорошая поэзия — от Бога. Несомненно, в ней, как и в религии, много мистики, порой она алогична, но всегда — истинна. А поэзия не от Бога — лжива, надуманна, прикрывает свою неискренность какими-то блестящими, словесной пиротехникой, постоянно меняющимися «новыми формами». Разумеется, хорошая поэзия — это не только гражданская и любовная лирика. Тема не так важна. Она может быть надсобытийной — едва уловимое движение души, необъяснимый поворот мысли, неожиданно нахлынувшее чувство... Все, что связано с нашим бытием, — со-бытие. А что над бытием? Только Бог, который непостижим. А как можно писать о непостижимом? Только каким-то непостижимым образом, и никак иначе. Вот для этого Богом нам и дана поэзия...» (10).

Ту же мысль он высказывает и в стихотворении «Собрату по перу»:

Хочешь знать, где я был?

В этом нету секрета.

Я в себя уходил

Не на миг — на все лето.

Исхудающий как пес,

Я вернулся обратно.

Что оттуда принес

Записал аккуратно:

«О душе не пиши

Так темно и убого,

Знай, от русской души

Ключ хранится у Бога».

Поэтические перемещения в пространстве и времени удобнее всего проводить на страницах лирического дневника: «Веду уже я много лет / Дневник (или ночник?) души». Одна из недавних подборок стихотворений Зиновьева так и называется: «Из дневника» (2016). Это не просто лирические за-

писи личных впечатлений и переживаний, это летопись судьбоносных событий:

Не пишу об Украине

По одной простой причине:

Я с ума сойти боюсь

И молюсь, молюсь, молюсь.

Впрочем, молиться надо не только сердцем, но и разумом. Зиновьев ставит в тупик всех тех, кто известный евангельский призыв молиться «за врагов своих», считает универсальным. Поэт отвергает этот бездумный штамп:

Сердце ноет. Время мчится.

Мать с утра печет блины.

Не могу я научиться

Много лет уже молиться

За врагов моей страны.

По ночам мне снятся старцы, —

Не могу припомнить всех, —

Говорят они: «Сквозь пальцы

Смотрит Бог на этот грех.

Если мы тебе явились,

Значит, нет в тебе вины.

Мы и сами не молились

За врагов своей страны.

«...Ближним сегодня считаются все, кто ни попадя, — пишет Н. Зиновьев, — любой, оказавшийся рядом с нами, «в контакте», так сказать. Вы спросите: кто же на самом деле близок православному христианину? Обращаясь к святоотеческой литературе, можно сказать, что только единоверный, единомышленный, соратник. И никто другой! Только за такого человека — ближнего своего — Господь призывает «положить душу свою» (11). Игумен Борис (Долженко) объясняет:

«Любите врагов ваших». Речь идет о врагах личных, вражда с которыми возникает по обыденным, бытовым причинам, но никак не о врагах Отечества или врагах Божиих.

К врагам Отечества относятся те, кто сознательно покушается на его границы, политическую и экономическую независимость, а также на само бытие народа, или на те основы народной жизни, без которых он не может существовать. Это нравственность, культура, историческая память, рождаемость, здоро-

вье, прожиточный минимум и другое подобное.

К врагам Божиим, без сомнения, следует отнести бесов, затем сознательных служителей сатаны; с некоторыми ограничениями и тех, кто открыто и нагло попирает закон Божий, борется с христианством и Церковью.

Хорошо высказался по этому вопросу митрополит Московский Филарет: «Люби врагов своих, бей врагов Отечества и гнушайся врагов Божиих» (12).

Непонимание (и неисполнение) фундаментальных нравственных законов — главная причина происходящего в стране:

Мы перестали быть народом,

Мы стали рыночной толпой, —

Толпа редает год за годом

И тает в дымке голубой.

Наживы ветер всюду свищет,

И карлик смотрит свысока.

А выход где? Никто не ищет,

Хотя он есть наверняка.

Интересно, что в этом стихотворении присутствует прямая переключка с известными стихами иеромонаха Романа:

Вожди живут себе в угоду,

Во власти полный паралич.

Мы перестали быть народом —

И засвистел кавказский бич...

Спорить приходится не с отцом Романом, а с теми, кто не видит истока наших всеобщих бедствий — давней поврежденности души:

Это свиньи утонули.

Бесы выжили вполне.

Что им время? Дотянули.

И вот несколько — во мне.

Что вы вздрогнули-застыли?

И не надо прятать глаз,

Остальные бесы в вас,

Просто вы о них забыли.

Так вот с бесами и ходим

Много лет уже подряд.

Нам и в справках пишут: «Годен»,

Но куда не говорят.

*Помрачнели ваши лица?
Выход есть. Один. Молиться.
Не только духовные опоры держат нас на земле,
исторический опыт переплетается с личным:*

Вот старый пруд с рекой в соседстве,

Пищит кулик среди куги.

А по воде бегут круги

От камня, брошенного в детстве.

(Видение)

Поэтический образ несет в себе еще и мистическое восприятие времени, в котором «...один день как тысяча лет, и тысяча лет как один день» (13).

Я сегодня дежурный по классу,

Я полил все цветы на окне,

Стер с доски непотребную фразу,

Я сегодня на белом коне, —

Я и весел, и горд, и послушен...

Но теперь, через тысячу лет,

Ощущенья того, что я нужен

Не себе одному, больше нет.

(Из детства)

В народе о разрыве времен говорят с черным юмором: «Кем ты был в прошлой жизни?» Политики старательно обходят этот скользкий вопрос стороной, поэт же воспринимает время по-своему, «с точки зрения вечности». Подлинно лирическими становятся только те стихотворения, в которых есть подобные образы, а не просто сентенции «по случаю». Лучшими, на мой взгляд, являются следующие стихотворения Зиновьева: «Талант от Бога скорбен духом...», «Это свиньи утонули...», «Два отца», «Воспоминание», «Глядят с икон святые лики...», «Я в детстве жил на берегу...», «Не обмануть души поэта...». «Из детства», «Безответное», «Старушка»:

Седая, в беленьком платочке,

Суха, как пламя, и быстра,

Идет из храма, где с утра

Молилась о записавшей дочке.

Молилась слезно и о сыне,

Который был убит давно

Среди чужой и злой пустыни,

Но для нее жив все равно...

*Придя домой, заварит чая
Из трав заброшенных полей,
Так и живет, не замечая,
Ни лет, ни святости своей.*

После такого стихотворения обвинять поэта в унынии и пессимизме опрометчиво, но обвинения в его адрес идут один за другим: «Пессимизм захлестнул его лирику и берет в свои цепкие руки души читателей... Большинство лучших стихотворений Николая Зиновьева, к великому сожалению, порождают у читателей отчаяние. А отчаяние — это капитуляция духа. Ничто так не подрывает веру в свои силы, как неверие в них. В этом, на мой взгляд, главная беда поэта» (Валерий Румянцев, 14); «Удивительным образом повлияло, по-моему, погружение в веру: вместо радости она принесла уныние, сомнения, самобичевание...» (Ольга Сумина, 15. Позднее она увидела «прежнего Зиновьева». — В. Б.); «Не грех ли такое уныние, дорогой Николай Александрович, для верующего человека?» (Валентина Ефимовская, 16). Думается, здесь произошло недоразумение в восприятии наиболее откровенных лирико-философских признаний автора. Его скорбь — не уныние, а видение и осознание своих грехов, что само по себе — добродетель («Блаженны плачущие...»). Ответом Валентине Ефимовской, стали, вероятно, следующие строки Зиновьева:

А ощущать свою греховность,

Как говорится, в полной мере —

И есть та самая духовность,

Что пролагает тропку к вере.

В чем можно упрекнуть Зиновьева, так только в «грехе», свойственном чуть ли не всем литераторам, — в спешке. Некоторые стихотворения, в которых присутствует мысль, но нет образности, можно было не публиковать, доработать, дать им «отстояться»: «Он для общества член не полезный...», «Я из страны, где радость умерла...», «Вот грибочки, вот капуста...», «Мелькает в мыслях разное...». Этот вечный спор между душой поэта и внутренним редактором можно разрешить только во времени. Да, порой у Зиновьева «стихи небезупречны — безупречна Поэзия. А Поэзии в стихах Николая — бездна» (Александр Суворов, 17). Кстати, не только

в поэзии: «Любому будущему историку, который начнет изучать последний четвертьвековой период в истории страны, надо будет сначала прочитать все, написанное Зиновьевым, а потом уже приступать к изучению материала, который ему понадобится. Именно такая последовательность даст правдивый взгляд». (Юрий Брыжашов, 18). Почитатели поэзии Зиновьева благодарны ему в главном: «Дорогой Николай! Слежу за вашим творчеством и радуюсь тому, что вы – моя духовная поддержка в нашей чудовищной действительности...» (Нина Черепенникова, 19). Остается надеяться, что эта поэтическая сила слова будет помогать нам еще очень и очень долго.■

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Интервью с Николаем Зиновьевым. – http://www.ya-zemlyak.ru/poesia_nz.asp
2. Там же.
3. Ткаченко П. Так мне пророчествует лира // Литературная газета. – 2017. – 15 мая. – <http://lgz.ru/article/-19-6597-17-05-2017/tak-mne-prorochestvuet-lira->.
4. Зиновьев Н. Из новых стихов. – <http://www.rospisatel.ru/sinoviev.htm>.
5. «Мне очень бы хотелось БЫТЬ православным поэтом...» Интервью с Николаем Зиновьевым. – <http://mykor.ru/maps/news/586.html>.
6. Выдающемуся русскому поэту Николаю Зиновьеву – 50 лет! – http://stihiya.org/news_4255.html.
7. Достоевский Ф. М. Записки о русской литературе: <http://e-libra.ru/read/193857-zapiski-о-russkoj-literature.html>).
8. Интервью с Николаем Зиновьевым. – http://www.ya-zemlyak.ru/poesia_nz.asp.
9. «Мне очень бы хотелось БЫТЬ православным поэтом...» Интервью с Николаем Зиновьевым. – <http://mykor.ru/maps/news/586.html>.
10. Николай Зиновьев: Хорошая поэзия – от

Бора // Культура. – <http://portal-kultura.ru/articles/data/97095-nikolay-zinovev-khoroshaya-poeziya-ot-boga>.

11. «Мне очень бы хотелось БЫТЬ православным поэтом...» Интервью с Николаем Зиновьевым. – <http://mykor.ru/maps/news/586.html>.
12. Долженко Б. К тихому пристанищу / Б. Долженко. – СПб.: Издательская служба Валаамского монастыря, 2008. – 215 с. – http://tihoprst.narod.ru/bookHTML/ch2_11.htm.
13. 2-е послание Петра 3:8–9. – http://www.origins.org.ua/page.php?id_story=1380#ixzz4u9b9ro23
14. Румянцев В. Талант с налетом пессимизма (о некоторых аспектах поэзии Николая Зиновьева. – http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_56/article_3153.
15. Сумина О. – <http://www.rospisatel.ru/zinovjev-novoje23.htm>.
16. Ефимовская В. – <http://www.rospisatel.ru/zinovjev-novoje13.htm>.
17. Суворов А. – <http://www.rospisatel.ru/zinovjev-novoje22.htm>.
18. Брыжашов Ю. – <http://www.rospisatel.ru/zinovjev-novoje27.htm>.
19. Черепенникова Н. – <http://rospisatel.ru/zinovjev-novoje9.htm>.